

Александра Анненская

В чужой семье

Александра Анненская
В чужой семье

«Public Domain»

1889

Анненская А. Н.

В чужой семье / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1889

«Утренний поезд Николаевской железной дороги вошел под своды вокзала, оставляя за собой длинную полосу серого дыма, повисшую в сыром, мглистом воздухе. Пассажиры в вагонах засуетились: собирали вещи, одевались, выглядывали из окон, стараясь найти в толпе, встречавшей поезд, знакомые лица. Поезд остановился, и из вагона второго класса выскочила девочка лет четырнадцати. Она осматривалась кругом растерянными глазами...»

© Анненская А. Н., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Никитична Анненская

В чужой семье

Глава I

Утренний поезд Николаевской железной дороги вошел под своды вокзала, оставляя за собой длинную полосу серого дыма, повисшую в сыром, мгlistом воздухе. Пассажиры в вагонах засуетились: собирали вещи, одевались, выглядывали из окон, стараясь найти в толпе, встречавшей поезд, знакомые лица. Поезд остановился, и из вагона второго класса выскочила девочка лет четырнадцати. Она осматривалась кругом растерянными глазами.

– Соня, это ты? – раздался голос подле нее.

Она обернулась и бросилась целовать подошедшую к ней даму.

– Тетя, милая! Вы сами приехали меня встретить! Какая вы добрая!

– У тебя, наверное, есть багаж? – сказала дама, улыбаясь. – Дай билет Семену, – она указала на сопровождавшего ее слугу, – он его привезет, а мы поедем скорей домой.

Через несколько минут Соня ехала в карете вместе со своей теткой, Анной Захаровной Воеводской, и в ответ на ее вопросы рассказывала:

– Я доехала до Москвы с папой и с мамой; дорогой папа чувствовал себя очень нехорошо, так что мы прожили лишний день в Москве. Тамошний доктор сказал то же, что и наш: папе надобно отдохнуть от работы, прожить зиму спокойно в теплом климате, и к весне он может поправиться.

– Ну, а братья твои у бабушки, в деревне?

– Да, бабушка сама приезжала за ними: она ведь очень любит их.

– Хорошо, что ты не поехала в деревню: ты бы там соскучилась!

– Мама то же думала. Бабушка целый день или хозяйничает, или возится с братьями: они ведь маленькие – Коле всего три года! А потом, мне надобно учиться! Я кончила курс прогимназии и на будущий год поступлю в гимназию в Москве; там мне придется учиться иностранным языкам, а я училась немножко по-французски у мамы, а по-немецки совсем не знаю!

– Ну, у нас научишься! У нас живет француженка. Нина говорит по-французски и по-английски, а теперь хочет брать уроки немецкого языка.

– Тетя, правда, что Нина очень умная и ученая? Я даже боюсь ее!

– Бояться нечего; а что она не по летам развита и очень много занимается, это правда! – не без чувства материнской гордости отвечала Анна Захаровна.

– А что Митя? Помните, как мы с ним шалили, когда гостили все у бабушки? Это было давно! Больше пяти лет тому назад! Нина и тогда была умнее нас!

– Да, к сожалению, Митя не похож на нее! Он очень огорчает и отца, и меня. Способности у него неважные, а главное, он очень ленив. В первом классе гимназии сидел два года, еле перешел во второй и теперь учится плохо, хотя к нему ходит каждый день репетитор.

Проехав несколько улиц и переулков, карета остановилась у подъезда большого четырехэтажного дома. Соня вслед за теткой поднялась по лестнице, устланной ковром, в просторной передней сбросила пальто и шляпку и вошла в столовую. К ним тотчас же подбежала хорошенькая девочка лет семи. Она бросилась на шею Анны Захаровны и в то же время с полузастенчивой улыбкой протянула пухленькую ручку Соне.

Соня крепко поцеловала маленькую девочку.

– Это Ада, – сказала она, – я ее узнала по ее черным глазкам!

Из-за чайного стола встал высокий, худой мальчик лет тринадцати.

- А, провинциальная кухня! Здравствуйте! – проговорил он, протягивая Соне руку.
– Здравствуйте, петербургский кузен! – с улыбкой отвечала Соня.

За столом сидели еще: француженка-гувернантка, приветствовавшая прибывших какими-то непонятными Соне французскими словами, и девочка, немного постарше Ады, с желтовато-бледным личиком и больными глазами.

- Это Мимочка? Здравствуй, милая! – наклонилась Соня, чтобы поцеловать ее.

Девочка сердитым движением отвернула голову.

– Оставь ее: она совсем дикарка, – заметила Анна Захаровна. – А ты, Митя, отчего же это не в гимназии? – обратилась она к сыну.

– Я думал, у нас сегодня праздник, приезд кухни... – несколько сконфуженно отвечал мальчик.

– Ты рад всякому случаю увильнуть от занятий, – раздраженно сказала Анна Захаровна. – Ты знаешь, как папа не любит, когда ты пропускаешь уроки: опять будет бранить тебя! Неужели это тебе приятно?

Митя ничего не отвечал и с угрюмым выражением лица опустил голову над своим стаканом чаю.

– А где же Нина? Еще не встала? – спросила Соня, чтобы отвлечь внимание тетки от провинившегося мальчика.

– Нина поздно встает, – отвечала Анна Захаровна, – она обыкновенно очень долго занимается по вечерам, и я не велю будить ее.

Соня успела напиться чаю, умыться и переодеться после дороги, а Нина все не вставала; наконец отворилась дверь ее комнаты, завешанная тяжелыми портьерами, и в детскую, где помещалась гувернантка с двумя младшими девочками, вышла стройная брюнетка лет четырнадцати; на ней была надета светлая блуза, перехваченная на талии толстым шелковым шнурком; масса темных вьющихся волос свободно падала ей на шею и обрамляла ее бледное, серьезное лицо.

– Опять дети шумели и не давали мне спать! – недовольным голосом обратилась она по-французски к гувернантке, затем заметила Соню и подошла к ней. – Здравствуй, милая! – сказала она голосом, в котором звучала нотка снисходительного покровительства, и протянула руку Соне. – Если тебе неинтересно сидеть здесь, с детьми, пойдем в мою комнату: там мы поговорим и постараемся познакомиться...

Соня никогда не воображала, чтобы у «девочки» (Нина была всего на два месяца старше нее, и она считала как себя, так и ее еще девочками) могла быть такая комната, похожая скорее на кабинет ученого или литератора. Два письменных стола, один очень большой, заваленный толстыми книгами, другой поменьше, с разными изящными письменными принадлежностями, два высоких шкафа, заполненных книгами, на стенах портреты известных писателей, бюсты великих людей.

– Как у тебя много книг! – проговорила Соня, с некоторым страхом оглядываясь кругом. – Ты много учишься, Нина?

– Не знаю, как тебе сказать, – отвечала Нина, снимая несколько книг с кушетки и очищая место для кухни. – Сколько ни учусь я, мне все кажется мало: ведь наука бесконечна, как и искусство!

Бедная Соня не знала, как поддерживать разговор с такой умной особой.

– Расскажи мне что-нибудь о себе, – покровительственным тоном заговорила Нина. – Ведь у вас в Ч. страшная глушь! Ты, наверное, задыхалась в этой дикой среде?

До сих пор Соне ни разу не приходило в голову, что в Ч. глушь, что там можно задыхаться; а теперь, сидя в этом «ученом» кабинете, она вдруг чуть не до слез почувствовала тоску по светлым комнаткам родного дома.

– Ах, нет, – вскричала она, – у нас было очень хорошо в Ч.! Я училась в прогимназии, у меня было много подруг, и мы очень весело проводили время!

– Неужели? Что же вы делали?

Соня охотно готова была рассказывать все подробности своей домашней и школьной жизни, но она заметила насмешливую улыбку, скользнувшую по лицу Нины, и это сразу оставило ее.

– Расскажи лучше, чем ты занимаешься, – это интереснее, – заметила она упавшим голосом.

– В нынешнем году я занимаюсь преимущественно словесностью и историей. У меня очень хороший учитель по этим предметам. Математикой и естествознанием я занимаюсь с учительницей, но слегка: это не моя специальность; по-французски читаю с нашей французской, а с будущей недели начну брать уроки немецкого языка: я читала Шиллера в переводе, а мне хочется прочесть его в подлиннике.

Соня вздохнула. Напрасно тетя сказала, что она может заниматься вместе с Ниной! Она была еще не тверда в русской грамматике и в арифметике, не знала ни слова по-немецки, а ей говорят о словесности, о математике, о Шиллере! Вообще говоря, она казалась сама себе совсем маленькой и ничтожной, сравнительно с Ниной; ей было очень трудно поддерживать умный, чинный разговор, и она от души обрадовалась приходу учителя Нины, который положил ему конец. Когда позднее горничная спросила, где ей угодно будет спать, на кушетке в комнате Нины Сергеевны, или на диване в детской, она не задумываясь выбрала последнее.

Скоро Соня познакомилась со всем строем жизни в доме петербургских родственников и не раз со вздохом повторяла про себя:

– У нас в Ч. было гораздо лучше и веселее!

Отец Сони занимал должность на казенной службе, кроме того, он управлял большим заводом. Дела у него было «выше горла», как он сам выражался; но те часы, когда ему можно было отдохнуть, он вполне отдавал семье. Он возился с маленькими сынишками, разговаривал с Соней, устраивал веселые праздники ей и ее подругам.

– Завтра у папы свободный вечер, и он будет дома! – радостным голосом объявляла мать, и весь дом оживлялся: всем – и детям, и прислуге – хотелось, чтобы добродушный хозяин остался доволен.

И он, действительно, был всем доволен: все распоряжения жены находил превосходными, своих детей считал самыми милыми и умными детьми в свете, свою прислугу образцовой. Вера Захаровна, мать Сони, была «строже папы», как говорил маленький Коля, но зато она была неразлучна с детьми. Возвращаясь домой из прогимназии, Соня тотчас бежала к матери: она поверяла ей все свои горести и радости и обсуждала с нею все свои школьные дела. Мать знала всех Сониных подруг, и Соня, со своей стороны, знала всех знакомых матери, знала, кто из них живет счастливо, у кого есть горе, кому надо помочь.

В Петербурге было совсем не то: и дядя, и тетка были любезны и ласковы с ней, но она чувствовала себя как-то холодно и неуютно в их доме.

«Как они странно живут, точно не вместе!» – думалось иногда девочке.

И действительно, в просторной квартире Воеводских у всех членов семьи были свои отдельные комнаты и своя отдельная жизнь. Хозяина дома, Егора Савельича, дети видели только за обедом. Утренний кофе он пил у себя в кабинете, потом уезжал на службу и возвращался в шестом часу, к обеду, усталый, раздражительный, недовольный. После обеда он уходил в свою комнату отдыхать, вечер проводил в клубе и домой возвращался уже поздно ночью. Дети больше боялись, чем любили его, и этот страх, по-видимому, разделяла и Анна Захаровна.

– Я пожалуюсь барину! – говорила она прислуге, чем-нибудь рассердившей ее.

– Вот уж узнает папа! Я скажу папе! – была угроза, которой пугали детей.

Егор Савельич почти никогда не разговаривал с детьми, и при нем все они, даже шалуны Ада, сидели молча, чинно и смирно. Одной Нине предлагал он время от времени вопросы; одна она заговаривала с ним, но обыкновенно не о своих делах, а о чем-нибудь, что вычитала в книгах или газетах.

Анна Захаровна была всегда очень добра и снисходительна к детям, почти никогда не бранила их и любила доставлять им удовольствия; но она совсем не занималась ими. Она куда-то выезжала, принимала у себя гостей и в детские комнаты редко заглядывала. Дети жили своею собственною жизнью, и притом жили не все вместе, а каждый порознь. Две младшие девочки были совершенно предоставлены гувернантке-француженке; Ада, как более живая, иногда бегала по всем комнатам и непрошенная врывается к матери или к Нине; тихая же, болезненная Мима выходила из детской только в столовую пить чай, завтракать и обедать. Нина занималась, читала, брала уроки в своей комнате, не пуская в нее ни брата, ни сестер. Митя ходил в гимназию, а вечера проводил, запершись со своим репетитором.

У всех них были свои собственные знакомые, до которых другим не было дела. К Аде и Миме приезжали маленькие мальчики и девочки с гувернантками и боннами, к Мите застенчиво пробирались его товарищи-гимназисты. Нина не вела знакомства со своими сверстниками: она предпочитала разговоры с совершенно взрослыми людьми, и Соня не раз, смирно сидя в уголку гостиной, удивлялась, как смело и непринужденно разговаривает ее умная кузина не только с барышнями, но даже с «большими» мужчинами.

Глава II

Первые дни по приезде Соня пыталась сблизиться с Ниной. Она стала брать вместе с ней уроки немецкого языка, арифметики и естественной истории, часто присутствовала на уроках словесности и всеобщей истории, читала книги, которые Нина давала ей, разговаривала с ней. Но она скоро убедилась, что Нина смотрит на нее свысока, считает ее гораздо глупее себя, что поэтому настоящая дружба между ними невозможна.

С Мимой и с Адой Соня сначала почти совсем не могла разговаривать. Гувернантка старалась, главное, научить их болтать по-французски и не позволяла им сказать ни слова по-русски; а Соня с трудом могла склеить несколько французских фраз.

Между тем ей очень не нравилось то, что происходило в детской. Ада, умненькая, ласковая, хитрая девочка, успела подольститься и к матери, и к гувернантке, почему ей прощались все ее недостатки, и все, что она делала, считалось очень милым. Мима, напротив, угрюмая по природе или, может быть, вследствие болезненности, не пользовалась особенною любовью матери; гувернантка же была к ней просто несправедлива: если она не могла заучить урок так скоро, как младшая сестра, французенка бранила ее; если она не соглашалась играть в ту игру, какую предлагала Ада, у нее отнимали игрушки; если она сердилась, когда Ада дразнила ее, гувернантка ее наказывала. Во всех ссорах детей всегда была права Ада и виновата Мима. Все это еще больше портило от природы не мягкий характер девочки и прямо озлобляло ее.

Соне от души жаль было смотреть, как она по целым часам сидит в углу молча, с сердитым, надутым лицом. Она попробовала было поговорить о том, что делается в детской, с Ниной; но та с первых же слов остановила ее.

– Я знаю, – сказала она, – что мои обе сестрицы – пренесносные девочки: Ада шалунья и капризница; Мима упряма и тупа; но что же мне с этим делать? Их воспитывают мама и гувернантка, и до меня это не касается!

«Не касается, что делается с сестрами? Как это странно! – думала Соня. – Вот и Митины дела, кажется, также не касаются никого в доме! Никто не обращает внимания, что пять лет тому назад он был здоровый, веселый, живой мальчик, а теперь стал худой, как щепка, сидит вечно повесив нос, смотрит исподлобья...»

Сколько было у Сони рассказов всякий день по возвращении из гимназии! И с каким интересом слушала эти рассказы не только мама, но и маленький братишка Миша, и ключница Анисья, и горничная! Митя никогда ничего не рассказывал о своей гимназии, и никогда никто его не спрашивал. Ему предлагали обыкновенно один только вопрос: какую получил отметку? И так как отметки его были по большей части плохи, то Егор Савельич бранил его, Анна Захаровна с грустной укоризной качала головой, а Нина смотрела на брата с нескрываемым презрением.

Один раз, увидев, что Митя возвращается из гимназии какой-то особенно сгорбленный и хмурый, Соня тихонько проскользнула за ним в его комнату. Мальчик сердито бросил на пол ранец с книгами и сам опустился на кровать.

– Что, устал, Митя? – участливо спросила Соня, заглядывая в его бледное, исхудалое лицо.

– Устал и надоело! – неохотно отвечал он.

– Что надоело? Гимназия?

– Гимназия и всё, всё надоело! Жить надоело! – с каким-то озлоблением прокричал Митя. Сердце Сони сжалось. Она как-то сразу почувствовала, что мальчик не шутит и не ломается, что ему в самом деле тяжело, что его надобно развлечь, утешить.

– А помнишь, как нам хорошо было тогда в деревне, у бабушки? Какие мы с тобой шалуны были! Помнишь?

Она села подле него и стала оживленно болтать, вспоминая разные детские проказы. Митя сначала хмурился и молчал, но мало-помалу оживление Сони сообщилось и ему: он поднял голову, в глазах его блеснул веселый огонек, он стал рассказывать и свои воспоминания. Через полчаса в комнате раздавался такой веселый смех, какого эти стены почти никогда не слышали.

– Отчего ты был сегодня такой сердитый? – спросила Соня, когда увидела, что дурное настроение брата исчезло. – Не случилось ли с тобой какой неприятности в гимназии?

– Русский поставил двойку! – мрачно проговорил Митя.

– Русский! Неужели? Разве был такой трудный урок?

– Стихи длинные – знаешь «Смерть Олега»? – все повторить. Я вчера говорю своему дураку...

– Какому дураку, Митенька?

– Да этому хохлатому, репетитору! Говорю: дайте мне стихи учить, – я не знаю. А он выдумал заставляя меня переводы латинские повторять да слова! Продержал за своею латынью до 10 часов, а потом и говорит: «Стихи учите одни, без меня!» А я и не стал учить! Очень нужно! Думал, не вызовут!

– А скоро у вас выдают четвертные? Может, еще поправишься? – озабоченно спросила Соня.

– Какое там поправишься! У меня уже есть из русского двойка; да за диктовку три с минусом, наверное, два выведет! – безнадежно махнув рукой, отвечал Митя.

Соня с грустным недоумением смотрела на брата. Она не могла отнестись к его отметкам беззаботно, как к делу неважному; но не хотела осуждать его, давать ему советы... Она понимала, что он достаточно наслушался этого от других и что это только рассердит его...

Митя первый прервал молчание.

– Соня, иди сюда, посмотри, что я тебе покажу! – сказал он, подходя к столу.

Он достал из ящика листок бумаги и положил его перед девочкой.

– Что это? Твой репетитор! – вскричала Соня с веселым смехом. – Как похоже! И каким уродом ты его нарисовал!

– А это, смотри, наш инспектор! А это латинист, а это учитель русского языка! Все похоже! – и он выложил перед ней несколько листочков с весьма удачными карикатурами учителей.

– Митя! Как ты хорошо рисуешь! – вскричала Соня, любуясь рисунками и в то же время смеясь над ними.

– Это что, пустяки! Это я в гимназии рисую, когда станет скучно; а у меня есть целый альбом хороших картин: я срисовываю из «Нивы» и из других книг.

Альбом понравился Соне еще больше, чем карикатуры.

– Митя, ты просто художник! – вскричала она.

– Да, вот рисованию я хочу учиться, так меня не учат! – опять с озлоблением заговорил мальчик. – А латынь мне противна, так нет, непременно учи ее!

– Как же, Митенька, ведь без латыни нельзя учиться в гимназии, нельзя попасть в университет... – робко заметила Соня.

– Я все равно не попаду в него! Я не могу и не хочу учиться – вот и всё!

После этого Соня стала всякий день заходить к Мите в комнату поболтать часок перед обедом, и ему это было, видимо, приятно. С ней он был более разговорчив и не так угрюм, как с другими.

В половине октября гимназистам выдавали так называемые «табели», то есть листки с отметками за четверть года. Митя пришел домой позже, чем обыкновенно, очень бледный и мрачный.

– Приди ко мне! – сказал он вполголоса Соне, встретив ее в коридоре.

– Что случилось? – спросила она с беспокойством, входя в его комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.